

Источниковедение, историография и методы исторического исследования

УДК 930

Гордость и предубеждение и «охранка»: политический сыск в современной русской историографии

Анна М. Лаврёнова

*Государственный архив Российской Федерации,
Москва, Россия, lavryonova@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются идеологизированные оценки места политической полиции в системе общественных отношений и государственных органов Российской империи конца XIX – начала XX в., а также некорректное употребление термина «провокация» как симптом некритического отбора источников в сложившейся историографии последних лет. Анализируется употребление данного термина на примере рассмотрения дела жандармского подполковника А.Д. Заварицкого в статье Д.А. Бутырина, а также дела И.П. Каляева в работах Р.С. Закирова. Отдельное внимание уделяется специфическому пониманию практики полицейской провокации командиром Отдельного корпуса жандармов В.Ф. Джунковским и отображению этого представления в статье Д.А. Гутнова. В статье приводятся прочие последствия некритического анализа источников эпохи, такие, как: неподтвержденные заявления о практике систематического физического воздействия, оказываемого жандармскими офицерами на подозреваемых в процессе допросов, с одной стороны, а также идеализация служебной карьеры жандармских офицеров-мемуаристов – с другой. Делается предположение о коллективном портрете конечного бенефициара необоснованного употребления термина «провокация» применительно к практикам отечественных спецслужб в начале XX в., а также о причинах распространения данного феномена в наши дни.

Ключевые слова: историография, политическая полиция, Российская империя, политический розыск, провокация, агентура

Pride and prejudice and “okhranka”.
Political police in contemporary
Russian historiography

Anna M. Lavryonova

*State Archive of the Russian Federation,
Moscow, Russia, lavryonova@mail.ru*

Abstract. The article analyzes ideological assessments of the place for political police in the system of public relations and state institutions in the Russian Empire of the late 19th and early 20th centuries, as well as the incorrect use of the term “provocation” as a symptom pointing to an uncritical selection of sources in the current historiography.

The use of this term is analyzed through the example of the gendarme lieutenant colonel A.D. Zavaritsky's case, presented in the article of DA. Butyrin, as well as the IP. Kalyayev's case in the works by RS. Zakirov. Special attention is paid to the specific understanding of the practice of police provocation by V.F. Dzhunkovskii the Independent Corps of Gendarmes commander and the reflection of that concept in the article by DA. Gutnov. The article also presents other consequences of uncritical analysis of the sources of the epoch, such as: unconfirmed statements about the systematic physical coercion practiced by gendarmerie officers on suspects during interrogations, on the one hand, and idealization of the career of gendarme memoirists, on the other. The article makes the assumption of the collective portrait of the ultimate beneficiary of the unjustified use of the term “provocation” as applied to the practices of Russian special services in the early 20th century, as well as it names the reasons for the spread of this phenomenon today.

Keywords: historiography, political police, Russian empire, political search, provocation, agents

Введение

Идеологическая атмосфера России перед грозой 1917 года, бурная и политизированная, сделала невозможным полномасштабное проведение реформы полиции, равно как и взвешенное осмысление ее целей и задач. Подобие консенсуса, который существовал в среде

высших полицейских чиновников, неизменно разбивалось о критическое настроение членов Государственной Думы и общественную антипатию к институту полиции как таковому. Фактическим последствием этого стало то, что многолетний труд Комиссии под председательством сенатора А.А. Макарова увенчался лишь принятием ограниченной серии законов, касающихся общей полиции. «Гора родила мышь»: политическую полицию изменения практически не затронули. В дальнейшем новая революционная власть не предполагала возможности публичных дискуссий на тему определения места царской политической полиции в жизни общества и государства. Более того, на охранку черной тенью лег последующий печальный опыт карательных органов советской власти, и политическая полиция царской России в сознании современников оказалась накрепко увязана со своим идеологическим антиподом – спецслужбами революционной власти.

Практика показывает, что работы отечественных исследователей, затрагивающие полицейскую, и особенно жандармскую, тематику, нередко не выказывают должной идеологической беспристрастности, причем формально упрекнуть исследователей как будто не в чем. Так в чем же дело?

Идеологическая опрометчивость: Причины и симптоматика

По-видимому, всему виной два обстоятельства. Во-первых, многие продолжают судить о предмете политической полиции, привлекая терминологический инструментарий дореволюционных публицистов и общественных деятелей. А во-вторых, приводя в своих работах тезисы властителей дум царской России, авторы не уравнивают их документами, вышедшими из недр «карательного аппарата» самодержавия. Это ведет к тому, что результаты анализа, вместо того чтобы являть собой синтез нескольких точек зрения, подменяются наиболее удобной версией одной из сторон. Так, диспропорция в отборе анализируемых источников порой ведет к некритическому цитированию и некорректной интерпретации базовых понятий. Количественное преобладание прессы, воспоминаний революционеров и очерков оппозиционных публицистов ведет к качественному изменению оценки соответствующих феноменов.

Наиболее яркими маркерами данного явления служат неуместное использование термина «провокация» и своеобразная, сугубо

этическая, оценка охранных отделений и их оперативно-розыскной деятельности.

Термин «провокация», в словаре революционеров означающий всякое осведомительство в принципе, стал своеобразным символом и средоточием негативного отношения к органам политического сыска и окончательно закрепился в этом качестве благодаря газетной шумихе вокруг разоблачения Азефа, когда даже рядовому обывателю было преподано содержание данного феномена. Как ни странно, в аналогичном значении он и по сей день продолжает бытовать на страницах профессиональной исторической периодики.

Дело Заварицкого

Так, например, в статье Д.А. Бутырина о деле жандармского подполковника А.Д. Заварицкого [1], написанной преимущественно на материалах прессы, без привлечения следственных материалов и документов жандармского ведомства [2 Оп. 6. Д. 1741, 1617, 1208] [3 1-е Делопроизводство. 1905 г. Д. 518, ОО. 1898 г. Оп. 316. Д. 580 ч. 45., 7-е Делопроизводство. 1907 г. Оп. 204. Д. 9107], кажется, будто над оценкой автора возобладали известные оценочные суждения думских ораторов и журналистов начала XX в., а многие факты данного дела оказались изложенными неверно.

Так, например, появились на страницах статьи мифические «ротмистры» Будаговский и Бадилов, якобы подельники преступного подполковника. Примечательно, что в книгах «Общего состава управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов» значится лишь ротмистр А.И. Будагосский, не имеющий к этой истории решительно никакого отношения, а жандармского офицера Бадилова и вовсе не существовало в природе [4 с. 444]. Так кто же эти люди? В действительности крестьянин Илья Никонорович Буговский (он же Демьяненко) и сын коллежского регистратора Александр Зурабович Бадилов (он же Попов) являлись агентами Владивостокского охранного отделения, но жандармского мундира не носили. Эта, казалось бы, незначительная деталь со всей очевидностью демонстрирует уровень владения информацией газетчиками и депутатами. Насколько можно доверять сведениям их журналистских расследований, когда, по утверждению самого же Д.А. Бутырина, они в точности не знали даже фамилии своего основного обвиняемого, называя его то «Заварицким», то «Заварницким» [1 с. 57]? Более того, в газете «Вечер» указано, будто свои провокаторские «художества» Заварицкий явил во Владивостоке в 1905 г. [5],

[3 7-е Делопроизводство. 1907 г. Оп. 204. Д. 9107. Л. 49.], тогда как он вступил в должность начальника Владивостокского охранного отделения лишь летом 1907 г., а уже в ноябре 1908 г. был лишен всех прав и преимуществ и присужден к четырем годам каторжных работ [3 7-е Делопроизводство. 1907 г. Оп. 204. Д. 9107. Л. 50, 50 об., 55.]

Не касаясь обсуждения самих провокаторских деяний подполковника, следует все же обратить внимание на то обстоятельство, что люди, именуемые «невинными жертвами провокации», даже после разоблачения махинаций Заварицкого получили-таки наказания, пусть и не столь суровые [1 с. 72]. Ну а будь они простыми обывателями, были бы у них вообще шансы оказаться в «списке Заварицкого»?

Создается обманчивое впечатление, будто вслед за депутатом социал-демократом И.П. Покровским¹ автор готов считать провокацию «ключевым методом работы» охраны и «источником личного обогащения» служащих полиции [1 с. 72]. Впрочем, как видно из другой, более поздней, статьи Д.А. Бутырина [31], его собственный взгляд на политическую полицию вообще и «дело Заварицкого» в частности значительно отличается от цитируемых им мнений оппозиционных деятелей, однако в рассматриваемой статье авторская позиция оказывается едва ли различима на их фоне.

Поскольку в статье воспроизводятся традиционные для либеральной печати жалобы на то, что ключевые вопросы государственной политики были изъяты из ведения депутатов Государственной думы и тем приходилось заниматься лишь «законодательной вермишелью», впору задаться вопросом, а насколько народные избранники были готовы решать проблемы первостепенной важности? Крупнейший исследователь представительных учреждений К.А. Соловьев пишет, что думское законотворчество мало чем отличалось от «лучших» примеров законодательного «долгостроя» самодержавной России [6]. Одним из наглядных примеров того, как программа государственных преобразований, намеченных П.А. Столыпиным, уперлась в «стену» народного представительства, является история с упоминавшейся ранее реформой полиции, проект которой, одобренный Советом министров и доработанный по замечаниям, был отправлен на рассмотрение Государственной Думы в 1912 г., где его обсуждение затянулось на долгие годы [7 с. 391, 394]. Бутырин пишет, будто Столыпин рассчитывал обойти стороной вопрос о необходимости преобразования полицейского аппарата, и взялся за дело только под давлением думской оппозиции [1 с. 74]. Но на самом деле в лице премьер-министра Столыпина ре-

¹ В 1914 г. арестован по обвинению в изнасиловании // Новое Время. 1 марта 1914 г.

форма полиции имела как раз своего главного вдохновителя и защитника, и не его вина, что с его смертью правящие круги охладели к его начинаниям.

Несовершенство полицейского аппарата империи автоматически не означает абсолютную правоту его критиков и отнюдь не свидетельствует о дремучем непрофессионализме его руководителей. Директор Департамента полиции М.И. Трусевич отнюдь не был ни сторонником аморальных провокаторских методов, ни идеалистом-белоручкой. Увольняя начальника Владивостокского охранного отделения Н.И. Губского, чьими стараниями дело Заварицкого сделалось достоянием разгневанной общественности, Трусевич телеграфировал ему:

Признаю Ваши действия безусловно бестактными, лишенными всякого понимания ведомственных интересов и доказывающими отсутствие в Вас какого-либо желания находить наиболее приличные выходы из осложнений. ...Обнаружив злоупотребления Заварицкого в деле, ведаемом Департаментом, Вы обязаны были прежде всего донести по телеграфу мне и ждать моих указаний, которые, несомненно, не могут быть направлены к прикрытию незаконных Заварицкого [3 ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 825 ч. 27. Л. 101].

Каляев: из убийц в агнцы

Еще более своеобразно и не к месту употребляется термин «провокация» в статьях Р.С. Закирова, посвященных делу эсера-террориста И.П. Каляева, убийцы великого князя Сергея Александровича [8]. Согласно версии автора, визит вдовы убитого великой княгини Елизаветы Федоровны в тюрьму к Каляеву был задуман и срежиссирован директором Департамента полиции А.А. Лопухиным и являлся частью плана по дискредитации террористов в глазах общества. По мнению Закирова, черствая и расчетливая великая княгиня намеренно посетила Каляева, дабы не допустить героизации террориста и, вручив ему образок, склонить к подаче прошения о помиловании, утвердив тем самым «торжество православия» в общем и создав себе привлекательную репутацию мученицы в частности. Проблема заключается в том, что эта любопытная, но весьма натянутая версия трагических событий февраля 1905 г., в сущности, повторяет выводы самого Каляева. Закиров основывает свою аргументацию на том утверждении, будто «сам факт участия директора Департамента полиции в организации какого-либо мероприятия заведомо пахнет провокацией» [8 с. 31]. Возможна ли была бы подобная трактовка, не разделяй автор предвзятого отношения соратников Каляева и их современников к Департаменту полиции?

А.А. Лопухин, которому Закиров приписывает авторство плана по умышленному очернению своего героя, являлся, без всяких преувеличений, наиболее либеральным и щепетильным в вопросах соблюдения законности, главой политической полиции. Следует ли напоминать, что в 1908 г. именно он из принципа раскрыл В.Л. Бурцеву подлинную роль Е.Ф. Азефа, за что чуть не поплатился каторгой? Следует ли принимать в расчет дальнейшие метаморфозы в судьбе великой княгини? Да и вообще, насколько возможна достоверная реконструкция ее психологического состояния после того, как она, осыпаемая насмешками зевак, выбирала фрагменты тела мужа из кучи окровавленного тряпья и обломков? Широко известно описание этого момента:

На месте казни лежала бесформенная куча... состоящая из мелких частей кареты, одежды и кусков мяса. Публика человек в 30 осматривала кучу и многие острили. ...В это время выскочила Елизавета Феод[оровна] ...и бросилась к бесформенной куче, запускала туда руки и вынимала отдельные части тела. Все стояли в шапках. Многие из присутствующих не могли не скрывать своего восторга, у многих вырывались замечания радости и удовлетворенности, княгиня это заметила, она в бессильной злобе и исступлении бросалась от одного к другому и кричала: «Как вам не стыдно, что вы здесь смотрите, уходите отсюда!» ...но ничто на толпу не подействовало, никто шапок не снимал и не уходил. У всех заметно было приподнятое радостное настроение, не только негодования, но и сожаления не было слышно. [3 ОО. 1905 г. Оп. 233 а. Д. 60. Л. 137–137 об.]

Закиров пишет, будто «оправившись от первого шока», практичная княгиня решила «использовать сложившуюся ситуацию» ради извлечения «имиджевых дивидендов» [8 с. 34]. Однако если в случае с княгиней это выглядит просто не вполне психологически достоверно, то применительно к Лопухину этот тезис звучит и вовсе нелогично: директору Департамента полиции уже явно поздно вато печься о своем имидже, когда дядя императора, как говорили злые языки, «пораскинул мозгами». Собственно, из-за непринятия надлежащих мер к охране великого князя Лопухин и вынужден был покинуть директорское кресло. А.И. Спиридович в своих мемуарах указывает, что ближайший помощник Сергея Александровича, московский обер-полицмейстер Д.Ф. Трепов, вину за убийство своего начальника возлагал именно на Лопухина, отказавшегося отпустить кредит на специальную охрану для великого князя, запрошенный Московским охранным отделением [9 с. 180–182].

Вполне вероятно, что конспирологическая версия о княгине-«бесстыжей интриганке охранного отделения» существовала лишь в воображении Каляева, исполненного тревоги за честь революционера. То, что исследователь безоговорочно принял и дословно воспроизвел в своих статьях версию экзальтированного политического террориста, основываясь, преимущественно, на факте причастности к этой истории Департамента полиции, симптоматично. В действительности все куда проще: как политический преступник, Каляев находился в ведении Департамента полиции, и к кому, как не к его директору, следовало обращаться с просьбой о встрече с заключенным?

Поскольку подобная апологетическая оценка Каляева уже подвергалась критике [10 с. 15], нам лишь остается добавить, что обвинение, брошенное Закировым царской администрации в «непризнании того, что у идеологических противников могут быть какие-то бескорыстные и идейные мотивы» [8 с. 27], справедливо как в отношении автора, так и его героя, от чьего идеологического давления Закиров не сумел или не пожелал абстрагироваться. Применение же термина «провокация» в данном случае совершенно неоправданно.

«Провокация» как симптом стигматизации

Рассматривая формы бытования термина «провокация» в современной исторической периодике, сложно не заметить, что его употребление зачастую имеет абстрактную оценочную подоплеку, а не служит описанием конкретных взаимоотношений работников политического сыска и их секретных сотрудников. Д.А. Гутнов, повествуя о борьбе «сверху» с практикой полицейской провокации, имея в виду, естественно, преобразования В.Ф. Джунковского, и вовсе уводит дискуссию в морально-этическую плоскость [11]. Причем нарушение «этических и нравственных границ дозволенного», по его мнению, происходило односторонне на том основании, что законность существования охранных отделений вызывала «большие сомнения». Гутнов ставит им в вину приобретение агентуры в среде гимназистов и солдат гвардейских полков, слово в слово повторяя мнение самого эксцентричного шефа жандармов, «наивного администратора» и противника «каких-то там» конспираций, считавшего выплату гонораров гимназистам «растлением малолетних»

и по собственной прихоти провалившего агента и депутата Государственной Думы Р.В. Малиновского [12 с. 316]. Однако те «рыцарственные» взгляды, которые неудивительно обнаружить у человека с прошлым гвардейского офицера и флигель-адъютанта, исповедовать на страницах профессиональной периодики спустя сотню лет, как минимум, странно.

Во-первых, приобретение агентуры среди гимназистов, очевидно, имело некоторый смысл. К революционной активности, средняя продолжительность которой, по подсчетам самих революционеров, в среднем составляла два года [13], молодые люди порой переходили, не покинув гимназической скамьи. Причем заметим, жандармы старались, по возможности, не губить молодым людям жизнь. Например, первое знакомство В.М. Зензинова с «синим мундиром», который он «уже ненавидел», состоялось в 1889 г., когда юноше было всего 18 лет. Жандармский ротмистр, в руках которого определенно имелись доказательства его сношений с заграничными революционерами, ограничился вызовом родителя для беседы в охранное отделение и ночным обыском, состоявшимся как раз накануне последнего выпускного экзамена. Зензинов писал:

Сейчас я не могу не обратить внимания на то, как в то время были человечны даже «синие мундиры». Я... получил аттестат зрелости. Этому, в конце концов, я был обязан «синим мундирам», которые дали мне возможность окончить гимназию [14 с. 61–64].

Юные лета отнюдь не были порукой тому, что антиправительственно настроенный молодой человек не встанет на путь террора. Как-то два брата, 17 и 18-летние сыновья рабочего, наслушавшись на митингах, что жандармы враги народа, по собственной инициативе решили убить подполковника, старика, прослужившего 25 лет на железной дороге, не понимавшего и не любившего «политики». Он со дня на день ждал приказа об увольнении в отставку, мечтая поселиться в деревне, но его выследили и у самой двери его квартиры расстреляли [15 с. 56].

Что же касается запрета В.Ф. Джунковского вербовать агентуру среди военных, то такое решение в полной мере являлось следствием отношения воинской среды к жандармскому ведомству. Крупнейший военный теоретик империи, киевский генерал-губернатор М.И. Драгомиров презирал политический сыск, требовал, чтобы «агенты не совали носа в войска», и заступался за убежденных революционеров [16 с. 218, 221]. Муж дочери Драгомирова генерал-лейтенант А.С. Лукомский разделял взгляды своего тестя на по-

литический сыск в армии, хоть и признавал, что само офицерство, которое и должно было взять на себя борьбу с крамолой вместо жандармов, «не умело бороться и не понимало (не видело) надвигающейся опасности» [16 с. 326]. Насколько успешно справилось с крамолой русское офицерство, напоминать излишне.

Таким образом, игнорируя соображения критиков политики Джунковского, Гутнов утверждает, что его преобразования «предназначались для нормальной работы полицейских служб в условиях правового государства мирного времени», а также приведения деятельности политического сыска «в соответствие с некими правовыми и нравственно-этическими стандартами, признаваемыми обществом», а на то, чтобы противостоять революции и разложению государственности, «они не были рассчитаны» [11 с. 16]. При этом Гутнов сожалеет, что все прежние преобразования «были подчинены исключительно решению практической задачи повышения эффективности борьбы с революционным движением», тогда как вопрос «законности был вторичен» [11 с. 16]. Но нужно помнить, что, во-первых, в глазах революционеров вся система политических институтов самодержавия была незаконна. Во-вторых, общественные симпатии так или иначе оставались на стороне оппозиционных лидеров. Как отмечает Квасов О.Н., «имена известных террористов ... становились культовыми. Их предсмертные или напутственные письма печатались, переписывались и превращались в революционные молитвы» [17 с. 32–33]. И потому никакой закон, в полной мере легитимизирующий деятельность политического сыска, не склонил бы общественные симпатии в пользу государства. Так, например, «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [18], подписанное рукой самодержавного монарха, формально было вполне легитимно, однако редкая инициатива власти вызывала в обществе большую озлобленность [3 2-е Делопроизводство. 1913 г. Оп. 70. Д. 32. Л. 107–112.]. И, наконец, в-третьих, работа политической полиции, по своей сути, предполагает использование доли запрещенных, незаконных приемов, что, впрочем, не отменяет ее необходимости. Естественно, и в сочинении Гутнова мы находим указанный симптом – некорректное употребление термина «провокация».

Невозможно давать оценку работе политической полиции, не считаясь с действительностью, не анализируя подлинные цели, методы и результаты розыскной деятельности, апеллируя лишь к довольно расплывчатым и зачастую весьма вольно трактуемым понятиям «законности» и «нравственности».

*Прочие последствия
некритического анализа источников*

Наряду с неуместными обращениями к термину «провокация», весьма распространенным явлением в отечественной историографии являются намеки на физическое воздействие, оказываемое жандармскими чинами на арестованных политических противников.

Как нетрудно догадаться, голову обывателя царской России населяли картины фантастических зверств, творящихся в учреждениях политического сыска. Жандармский офицер А.М. Поляков вспоминал, будто «в обществе держалось мнение, что при поступлении в жандармы все офицеры и нижние чины будто бы должны были давать особую клятву, в которой отрекались от отца, матери, обещали, будто бы, никого не щадить» [19 с. 488]. Департамент полиции для масс населения был «символом ужаса». Рассказывали, будто там людей сбрасывают в подвал через дыру в полу и пытаются [20 с. 346].

Что и говорить, «зуботычины» в среде филеров были обыденной вещью, которую даже мемуаристам не приходило в голову замалчивать [9 с. 52–54], однако свидетельств избиения арестованных жандармскими штаб- и обер-офицерами не имеется даже в воспоминаниях революционеров. Редкие случаи рукоприкладства являлись ответом на вызывающие действия революционеров и карались начальством [2 Оп. 24. Д. 144; 3 7-е Делопроизводство. 1913 г. Оп. 210. Д. 6. Л. 42–43.] Если в общении с коллегами-жандармами политес был в дефиците, то в беседах с посторонними, напротив, их отличали «любезность, корректность, выдержка, вежливость» [19 с. 482].

Тем не менее в своей работе, посвященной агентурной работе политической полиции, М.Н. Бродникова пишет, что вербовка агентов «происходила под сильным психологическим, а иногда и физическим давлением», не конкретизируя методы подобного давления и не приводя ни одного достоверного примера [21]. В последующих строках в качестве иллюстрации фигурируют воспоминания Н.П. Балашова, разоблаченного секретного сотрудника, о «паучьей пытке» общения с сотрудником охраны. Нужно ли говорить, что к исповедальным письмам бывших агентов следует относиться критически? Так, например, в исповеди одного секретного сотрудника указано, будто начальник Северо-Западного районного охранного отделения подполковник К.М. Шебеко, раскрыв собственную чековую книжку, предлагал ему десять тысяч рублей за выдачу товарища охранке [3 ОО. Оп. 314. Д. 570. Л. 1–8], тогда как из той же статьи Бродниковой следует, что сам Р.В. Малиновский в конце

своей карьеры получал 700 руб., а в среднем зарплата сотрудника составляла от 25 до 150 руб. в месяц [21].

Но если секретные сотрудники скорее были горазды присочинить, то жандармам-мемуаристам порой чудесным и необъяснимым образом отказывала память. Приведем для наглядности пример искажения в мемуарах А.П. Мартынова [22]. В бытность его начальником Саратовского охранного отделения, он столкнулся с неудобным случаем: секретный сотрудник его предшественника, живший по паспорту, выданному его бывшим патроном, оказался замешан в грабеже. Мартынов решил под видом обыска паспорт изъять, а самого подозреваемого отпустить. Он не мог позволить себе разъяснить эту историю своему коллеге, начальнику местного губернского жандармского управления (ГЖУ), что дало последнему повод заподозрить Мартынова в провокации и устроить межведомственный скандал. Замаскировал Мартынов эту сомнительную ситуацию и в своих мемуарах. Единственный, кому Мартынов дал свои объяснения по этому вопросу, был директор Департамента полиции М.И. Трусевич, который счел Мартынова невиновным [3 ОО. Оп. 316. 1906 г. Д. 1052], тогда как против осуждения Заварицкого, как мы помним, Трусевич принципиально не возражал.

Кому и зачем нужна «провокация»

Касаясь в своих исследованиях сюжетов, связанных с практикой политического розыска, важно помнить о той тонкой грани между «сотрудничеством» и «провокацией», о которой говорилось в секретной инструкции по организации и ведению внутреннего наблюдения (1907 г.), разработанной под руководством Трусевича. По его убеждению, в умении различать эту тонкую грань и состоит искусство ведения политического розыска [23 с. 97]. Увы, большая часть полицейских чиновников этим искусством не обладала, и, таким образом, некомпетентность в вопросах использования агентуры порождала в официальных сферах известные предрассудки против секретного сотрудника «как продажного, безнравственного и предательствующего человека». Еще в 1892 г. П.И. Рачковский жаловался, что в России «почти никто не склонен видеть в агенте лицо, исполняющее скромный долг перед родиной» [23 с. 31].

В 1917 г. на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (ЧСК) Трусевич последовательно отстаивал закономерность существования политической полиции и целесообразность ее методов:

Это всегда было, и до тех пор, пока будет существовать какой-нибудь розыск, даже не по политическим, а по общеуголовным делам, агентура всегда будет в той среде, которая расследуется... Это есть условие, при котором известный политический строй, каков бы он ни был, отстаивает свое существование [24 с. 212–213].

Допросы высших полицейских чиновников показали, что члены ЧСК не видели никакой разницы между сотрудничеством и провокацией. В глазах Председателя ЧСК социал-демократа Н.К. Муравьева и его коллег обыденная деятельность секретного агента была однозначно преступна «по определению». Несмотря на очевидную логичность приводимых доказательств и ссылки на иностранный опыт, переубедить вчерашних оппонентов режима, а теперь хозяев игры, было невозможно. Бывшие оппозиционеры, прочившие себя на роль реформаторов, если не спасителей отечества, не желали расставаться со своими белыми одеждами. Поэтому им жизненно необходимо было доказать обществу и самим себе свою непричастность к террору, открестившись от своего политического родства с убийцами. Вот почему бесконечно, на все лады муссировать тему провокации, возлагающей ответственность за пролитую кровь на совесть самих защитников режима, выставив их перед лицом общества корыстолюбивыми беспринципными карьеристами, было так важно. Недурной тому иллюстрацией являются слова кадета Ф.И. Родичева, приведенные Д.А. Бутыриным в заключении своей статьи: «Мы теперь видим, что совершающиеся политические убийства удаются только тогда, когда они изготовлены в охранке, когда там специализируются на убийствах должностных лиц» [1 с. 75]. На это указывал и Столыпин в своей речи в Думе 11 февраля 1909 г., говоря, что «для революции не безвыгодно, с точки зрения общественной оценки, подвести под это понятие (провокации. – А. Л.) действия каждого лица, соприкасающегося с полицией» [25 с. 189].

Вместе с тем противоправительственная среда и сама не брезговала прибегать к средствам розыска, которые благодаря своей универсальности «были те же, что и у ненавистного ему Департамента полиции»: внутренняя агентура, завербованная среди полицейских чиновников, и наружное наблюдение, осуществляемое силами членов революционных партий. «То, что считалось преступным и подлым со стороны правительства, признавалось необходимым и хорошим в своих собственных руках: такова этика революционеров», – писал А.И. Спиридович [9 с. 46].

Заключение

Несмотря на распространенное критическое восприятие в обществе, «провокация» – лишь один из оперативно-тактических приемов, дававший полиции «возможность ускоренными темпами выявить своих врагов и осуществить над ними расправу», а также служивший «средством создания недостающих улик» [26 с. 52,92]. Предсудительным делают его, главным образом, цели и обстоятельства его употребления. Детальный анализ оперативных нюансов политического сыска позволил Ю.Ф. Овченко, наряду с термином «провокация», ввести новые, более конкретные и логически уместные понятия: «идеологическая диверсия» (применительно к зубатовщине), «оперативный эксперимент» (моделирование условий, показывающих истинные намерения разрабатываемого, проходящее под полным контролем, исключая возможность преступления) и т. д. [27 с. 313]. По мнению Овченко, хотя удельный вес провокации в работе полиции значительно возрастал в периоды подъема революционного движения, из тактического приема в метод провокация все же не переросла [28 с. 45]. Впрочем, дореволюционная общественность, равно как и всякий, кто готов довериться ее оценкам, была далека от подобных тонкостей и, как уже было сказано выше, считала преступной саму агентурную работу как таковую.

Предубеждение по отношению к розыскной деятельности, которое проявляют историки на страницах периодики, коренится, по-видимому, где-то в сфере национального менталитета, поскольку исследователи современного правоохранительного аппарата обращают внимание на схожие симптомы, проявляемые российским обществом и в восприятии современной полиции. В представлении граждан «оперативно-розыскная деятельность носит какой-то полуполициарный характер», а большинство полагает, что она целиком «состоит из доносов и “выбивания” признания вины с помощью кулаков сотрудниками оперативных подразделений», работающих по принципу «держиморда» [29].

Как-то бывший начальник Московского охранного отделения полковник П.П. Заварзин справедливо заметил, что «без розыскного органа ни одно государство не существовало и существовать не будет» [30 с. 421], а потому чем скорее розыск перестанет служить жупелом будирующей интеллигенции, а будет восприниматься как органичная, естественная форма реализации государственных функций, – тем лучше.

Литература

1. *Бутырин Д.А.* Жандармы и депутаты: «Дело подполковника Заварицкого» в стенах Государственной думы и Владивостокской крепости (1909 год) // Новый исторический вестник. 2016. № 4 (50). С. 57–79.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110.
3. ГАРФ. Ф. 102.
4. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов по 10 октября 1904 г. СПб., 1904.
5. Вечер. 1908. 30 ноября.
6. *Соловьев К.А.* Думская монархия: общественный диалог на фоне реформ // Родина. 2006. № 12. С. 10–13.
7. *Перегудова З.И.* Политический сыск в России (1880–1917 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2013. 519 с.
8. *Закиров Р.С.* Визит Великой княгини Елизаветы Федоровны в тюрьму к И.П. Каляеву как провокация Департамента полиции // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. История и политология. 2012. № 4. С. 20–36.
9. *Спиридович А.И.* Записки жандарма. Репринт. Воспроизведение изд. 1930 г. М.: Художественная литература, 1991. 263 с.
10. *Софьян Д.М.* Великий князь Сергей Александрович: Путь русского консерватора. М., 2016. 240 с.
11. *Гутнов Д.А.* Из истории русского политического сыска: В.Ф. Джунковский и борьба «сверху» с практикой полицейской провокации в 1913–1915 гг. // Вестник РУДН. Серия «История России». 2012. № 2. С. 36–45.
12. *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 1. С. 27–408.
13. *Махновец В.П.* Как держать себя на допросах. Женева: Союз русских социал-демократов, 1900. 43 с.
14. *Зензинов В.М.* Пережитое. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 414 с.
15. *Заварзин П.П.* Жандармы и революционеры // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 2. С. 6–138.
16. *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания / сост., предисл., коммент. С. Волкова. М.: Айрис-пресс, 2012. 752 с.
17. *Квасов О.Н.* Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901–1911 гг.). Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. 223 с.
18. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание третье. В 33 т. СПб., 1885. Т. 1. № 350.
19. *Поляков А.М.* Записки жандармского офицера // Жандармы России: (Полит. розыск в России. XV–XX вв. Новейшие исслед.). СПб.: Нева, 2002. С. 486–487.

20. *Васильев А.Т.* Охрана: русская секретная полиция // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 2. С. 345–513.
21. *Бродникова М.Н.* К вопросу о методах работы политической полиции Российской империи с секретной агентурой в начале XX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 37–43.
22. *Лавренова А.М.* Служба А.П. Мартынова в Саратовском охранном отделении (о кризисе идентичности в жандармской среде) // Новый исторический вестник. 2015. № 1 (43). С. 99–116.
23. Политическая полиция Российской империи между реформами. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского: сборник документов / вступ. ст., сост. и коммент. Е.И. Щербакова. М.; СПб.: АИРО-XXI; Алетейя, 2014. 351 с.
24. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / ред. П.Е. Щеголева. Л.: Гос. изд-во, 1925. Т. 3. 506 с.
25. *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия...: Полное собр. речей в Гос. Думе и Гос. Совете, 1906–1911 / сост., коммент. Ю.Г. Фельштинского. М.: Молодая гвардия, 1991. 411 с.
26. *Овченко Ю.Ф.* Московская охранка на рубеже веков. 1880–1904 гг. М.: ИНСОФТ, 2010. 232 с.
27. *Овченко Ю.Ф.* Безопасность империи: (политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия, 1880–1917 гг.). М.: Техинформ, 2012. 370 с.
28. *Овченко Ю.Ф.* Провокация на службе охраны // Новый исторический вестник. 2003. № 1 (9). С. 28–45.
29. *Середнев В.А.* Процессуальный статус оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве (идеологический аспект) // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2011. № 1 (55). С. 30–40.
30. *Заварзин П.П.* Работа тайной полиции // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 1. С. 410–493.
31. *Бутырин Д.А.* Подполковник А.Д. Заварицкий и Владивостокское восстание 1907 года // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 120–149.

References

1. Butyrin DA. Gendarmes and deputies. “The case of Lieutenant Colonel Zavaritsky” in the State Duma and the Vladivostok Fortress (1909). *The New Historical Bulletin*. 2016;4:57-79. (In Russ.)
2. Russian State Archive. Fond 110.
3. Russian State Archive. Fond 102.

4. The total personnel of directorates and officials of the Separate corps of gendarmes on October 10, 1904 Sankt-Reterburg, 1904. (In Russ.)
5. Vecher. 1908. Nov. 30. (In Russ.)
6. Soloviev KA. The Duma monarchy. Public dialogue on the background of reforms. *Rodina*. 2006;12:10-13. (In Russ.)
7. Peregudova ZI. Political investigation in Russia (1880–1917). 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2013. 519 p. (In Russ.)
8. Zakirov RS. Visit of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna to prison to I.P. Kaliayev as a provocation of the Police Department. *Sholokhov Moscow State University for the Humanities Bulletin. History and Political Series*. 2012;4:20-36. (In Russ.)
9. Spiridovich AI. Notes of a gendarme. Reprint. Reproduction ed. 1930. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.; 1991. 263 p. (In Russ.)
10. Sofin DM. Grand Duke Sergei Aleksandrovich. The way of the Russian Conservative. Moscow, 2016. (In Russ.)
11. Gutnov DA. From the history of the Russian political investigation: V.F. Dzhunkovsky and the struggle “from above” against the practice of police provocation in 1913–1915. *RUDN Journal of Russian History*. 2012;2:36-45. (In Russ.)
12. Martynov AP. My service in the Separate Corps of Gendarmes. V: “Okhranka”: Memories of the top executives of political investigation. In 2 vols. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2004. Vol. 1. p. 27-408.
13. Makhnovets VP. How to behave during interrogations. Geneva: Soyuz russkikh sotsial-demokratov Publ.; 1900. 43 p. (In Russ.)
14. Zenzinov VM. The Bygones. New-York: Izd-vo im. Chekhova Publ.; 1953. 414 p. (In Russ.)
15. Zavarzin PP. Gendarmes and revolutionaries. V: “Okhranka”: Memories of the top executives of political investigation. In 2 vols. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2004. Vol. 2. p. 6-138. (In Russ.)
16. Lukomskii AS. Essays from my life. Memories. Volkov S., preface, comp., comments. Moscow: Airis-press Publ.; 2012. 752 p. (In Russ.)
17. Kvasov ON. Revolutionary terrorism in the Central Chernozem (Black Earth) region at the beginning of the 20th century (1901–1911). Voronezh: Voronezh State University Publ.; 2005. 223 p. (In Russ.)
18. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Collection. In 33 vols. Sankt-Reterburg, 1885. Vol. 1. № 350. (In Russ.)
19. Polyakov AM. Notes of a gendarme officer. The gendarmes of Russia (Polit. investigation in Russia. 15th – 20th centuries. Recent research). Sankt-Reterburg: Neva Publ.; 2002. p. 486-487. (In Russ.)
20. Vasil'ev AT. Security. Russian secret police. V: “Okhranka”: Memories of the top executives of political investigation. In 2 vols. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2004. Vol. 2. p. 345-513. (In Russ.)
21. Brodnikova MN. On the methods of the Russian Empire political police work with secret agents in the early twentieth century. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2016;2:37-43. (In Russ.)

22. Lavryonova AM. A.P. Martynov's Service in Saratov Security Department (About the Crisis of Identity in the Gendarme Community). *The New Historical Bulletin*. 2015;1:99-116. (In Russ.)
23. Shcherbakova EI., pref., comp., comm. Political police of the Russian Empire between the reforms. From V.K. Pleve to V.F. Dzhunkovskiy. A collection of documents. Moscow; Sankt-Reterburg: AIRO-XXI; Aleteiya Publ.; 2014. 351 p. (In Russ.)
24. Shchegoleva PE., ed. The Fall of the Czar regime. The verbatim records of interrogations and testimony given in 1917 in the Emergency Investigation Commission of the Provisional Government. Leningrad: Gos. izd-vo Publ.; 1925. Vol. 3. 506 p. (In Russ.)
25. Stolypin PA. We need Great Russia ... Complete Coll. of speeches in the State Duma and State Council, 1906–1911. Fel'shtinskii YuG., comp., comm. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.; 1991. 411 p. (In Russ.)
26. Ovchenko YuF. Moscow secret police at the turn of the century. 1880–1904 years Moscow: INSOFT Publ.; 2010. 232 p. (In Russ.)
27. Ovchenko YuF. The security of the empire. (Political investigation – a mean of ensuring the security of the Russian autocracy, 1880-1917). Moscow: Tehinform Publ.; 2012. 370 p. (In Russ.)
28. Ovchenko YuF. Provocation in the service of the secret police. *The New Historical Bulletin*. 2003;1:28-45. (In Russ.)
29. Serednev VA. The procedural status of intelligence and surveillance operations in criminal legal proceedings (ideological aspect). *Zhurnal nauchnykh publikatsii aspirantov i doktorantov*. 2011;1:30-40. (In Russ.)
30. Zavarzin PP. The work of the secret police. V: "Okhranka": Memories of the top executives of political investigation. In 2 vols. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2004. Vol. 1. p. 410–493. (In Russ.)
31. Butyrin DA. Lieutenant-Colonel Anatolii Zavaritskii and the Vladivostok Uprising of 1907. *The New Historical Bulletin*. 2018;1:120-49. (In Russ.)

Информация об авторе

Анна М. Лаврёнова, аспирант, Государственный архив Российской Федерации, Москва, Россия; Россия, Москва, 119435, ул. Б. Пироговская, 17; lavryonova@mail.ru

Information about the author

Anna M. Lavrenova, postgraduate student, State Archive of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 17, B. Pirogovskaya st., Moscow, 119435, Russia; lavryonova@mail.ru